

Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 1 (130), с. 122–133.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 1 (130), pp. 122–133.

Научная статья
УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-1-130-10>
<https://elibrary.ru/msgtrx>

**Ф. М. Достоевский о немцах и «русских немцах»
в повести «Двойник» и публицистике:
Трансформация отечественного гетеростереотипа**

Максим Александрович Некрасов

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия
m.markus2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>

Аннотация. В статье на основе анализа публицистики и повести Ф. М. Достоевского «Двойник» осмысливается характер изображения и интерпретации национального характера немцев. Сквозь призму начатой еще Н. В. Гоголем литературной традиции сатирического изображения обрусевших германцев Ф. М. Достоевский ставит под сомнение фантазийный отечественный гетеростереотип о благотворном вкладе немцев в формирование системы ценностей современного русского общества, обличая негативные черты европейского менталитета и буржуазных идеалов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, национальный характер немцев, гетеростереотип, литературная традиция, пародийное изображение, европейский материализм

Для цитирования: Некрасов М. А. Ф. М. Достоевский о немцах и «русских немцах» в повести «Двойник» и публицистике: Трансформация отечественного гетеростереотипа. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 1 (130), с. 122–133. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-1-130-10>; EDN: MSGTRX

**F. M. Dostoevsky about the Germans and “Russian Germans”
in the novel “The Double” and journalism:
Transformation of the domestic heterostereotype**

Maksim A. Nekrasov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia
m.markus2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>

Abstract. In the article, based on an analysis of journalism and the story by F. M. Dostoevsky's "The Double", the author comprehends the nature and interpretation of the German national character. Through the prism of N. V. Gogol's literary tradition of satirical image of the Russified Germans, F. M. Dostoevsky impugns the fantasy domestic stereotype about the beneficent contribution of the

© Некрасов М. А., 2026

Germans to the development of the Russian value systems, exposing the negative features of the European mentality and bourgeois ideals.

Keywords: F. M. Dostoevsky, German national character, heterostereotype, literary tradition, parody image, European materialism

For citation: Nekrasov M. A. F. M. Dostoevsky about the Germans and “Russian Germans” in the novel “The Double” and journalism: Transformation of the domestic heterostereotype. *Cherapovets State University Bulletin*, 2026, no. 1 (130), pp. 122–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-1-130-10>; EDN: MSGTRX

Введение

Традиция сатирического изображения немцев в русской литературе имеет давнюю историю, своими корнями восходящую к историческому прошлому России. Начиная со времен Петра I, немцы играли значительную роль в политической жизни Российской империи, занимая видные должности среди военных и гражданских чинов. Однако, по свидетельству русского поэта и публициста И. С. Аксакова, «немцы, преданные Русскому престолу, проповедуют в то же время бой на смерть Русской народности; верные слуги Русского государства, они знать не хотят Русской Земли...»¹. Обособленные от русского народа, педантичные и расчетливые, они на протяжении многих лет являлись объектом пристального внимания со стороны классиков русской литературы. Непосредственно сама литературная традиция сатирического изображения немцев восходит еще к водевильно-фарсовой традиции и к творчеству Н. В. Гоголя, которого, по мнению Д. Л. Рясова, «интересовали по большей части характеры русских немцев. Не лишённые стереотипных черт, они тем не менее отличались большим разнообразием, обусловленным их социальным, семейным и культурным положением и индивидуальными привычками»².

Однако в ряду продолжателей заложенной Гоголем традиции особо выделяется фигура Ф. М. Достоевского, для которого репрезентация ментальности различных народов позволяла подчеркнуть оппозицию «Россия – Европа» и оценить европейский менталитет сквозь призму системы духовно-нравственных ценностей русского человека. Существует и ряд исследований, посвященных осмыслению темы национального характера немцев в творчестве Достоевского. Так, Н. В. Буткова отмечает, что Достоевский в своем творчестве намеренно создавал типизированные образы иностранцев, дабы подчеркнуть оценочное противопоставление «Россия – Европа» и бинарность «русский – европеец»³, что, по мнению Н. В. Володиной, исторически основано на: «со- и противопоставлении специфики образованности, типа мышления русского и европейского человека, понимания ими христианства, на сопоставлении характера, общественной и частной жизни и т. д.»⁴. Указание на наличие принци-

¹ Любомудров М. Н. Русская триада // Вопросы национализма. 2014. № 1. С. 48.

² Рясов Д. Л. Образ Германии в творческом сознании Н. В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: [б. и.], 2015. 145 с.

³ Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2001. 252 с.

⁴ Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 245.

альных различий в менталитете двух стран содержится и в исследованиях С. А. Исаева. Он отмечает широту взглядов Достоевского, который принципиально винил искаженные идеалы лютеранства и охватившее все слои общества стремление к вседозволенности путем расшатывания моральных устоев, в формировании циничного образа мышления немцев. Подобному деструктивному пути писатель противопоставляет высоконравственные устои православия, которое, будучи верным духу христианства, «гармонически сочетает единство Церкви и свободу в ней»¹. Сторонником приведенной концепции является и В. М. Розин, который видит в дневниках писателя неустанную критику Европы «за отсутствие духовности, понимаемой в духе православия, а также за наличие буржуазных рыночных отношений»². Точку зрения исследователей также разделяют А. А. Лагунов и А. Ю. Смирнов, которые в размышлениях Достоевского усматривают критику европейской культуры, деятельность которой направлена на «подавление традиционной нравственности»³.

Однако следует признать, что деструктивный характер европейской буржуазной морали в восприятии Ф. М. Достоевского базируется на общественном стереотипе, устоявшемся в России еще с петровских времен, об исключительной благотворности немецкого вклада в жизнь и культуру русского общества, принуждающего русского человека отбросить собственные традиционные ценности ради слепого подражания западному образу мышления в надежде обрести лучшее будущее. Однако внешнее благополучие немцев является лишь красивой ширмой, скрывающей колоссальный упадок германской культуры, плачевное состояние самой Германии и губительное влияние на сознание русского народа. В глазах писателя наиболее характерной чертой немецкого характера является ничем не подкрепленное, всеобъемлющее самодовольство, благодаря которому германцы считают себя несравнимо выше всех остальных народов. По мысли Достоевского, невероятный апломб немцев направлен в первую очередь на удовлетворение собственного тщеславия, выработанного в результате успехов предыдущих поколений: «Прибавьте к тому обычную немецкую — и уже всенародную хвастливость собой без меры, в случае какого-нибудь успеха, хвастливость даже мелочную до детскости и всегда переходящую у немца в нахальство, — довольно неприглядная народная черта и почти удивительная в этом народе»⁴.

Очевидно, что в своих произведениях Гоголь и Достоевский не только критически оценивали менталитет европейцев, формируя отечественный гетеростереотип в плотном взаимодействии с автостереотипом, но и использовали в произведениях сюжетный мотив «житель Запада в русском обществе». Однако, в то время как Гоголь обращается к стереотипам в изображении немцев лишь в случае художественной необходимости, желая по контрасту с ними подчеркнуть своеобразие русского

¹ Исаев С. А. Достоевский и лютеранство // Христианское чтение. 2021. № 4. С. 47.

² Розин В. М. Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе // Культура и искусство. 2017. № 9. С. 42.

³ Лагунов А. А., Смирнов А. Ю. Ф. М. Достоевский о причинах «Замечательной нелюбви» Европы к России // Вестник РУДН. 2001. Т. 25, № 1. С. 30.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 23. Ленинград: Наука, 1981. С. 60.

национального характера, Достоевский смотрит на данный вопрос шире, анализируя европейский характер не только в контексте русского общества, но и как таковой.

Основная часть

В 1862 году выходит в свет очерк-фельетон «Зимние заметки о летних впечатлениях», где Достоевский от имени путешествующего по Европе насмешливо-наивного рассказчика делится впечатлениями о непосредственно наблюдаемой им специфике самосознания европейцев, а также стремится как можно объективнее описать быт и нравы «Просвещенной Европы». Писатель, «с юношества увлекавшийся произведениями Гофмана и Шиллера, обожавший творчество Бетховена и восхищавшийся трудами Канта»¹, некогда глубоко восхищающийся личностью немецкого канцлера Отто фон Бисмарка, в котором видел «идеологического борца с католическими странами»², расстается с иллюзиями молодых лет по мере погружения в мир Запада: Германии, Франции, Англии.

«Зимние заметки» построены таким образом, что рассказчик все более и более обретает нравственное достоинство, и из некоего подобия Хлестакова, несущегося в полете по Европе, превращается в наблюдательного и глубоко мыслящего интеллигента, обличающего низменное лакейство «цивилизованных» русских либералов, презирающих русский народ, почву и национальность. Фельетонная ироническая интонация уже не скрывает реальные авторские мнения и впечатления от Западной Европы с ее ужасающими социальными контрастами и торжествующим аморализмом. Игривость тона перестает таить и деформировать ядро «Заметок»: идею духовного падения европейской цивилизации и необходимости культурного освобождения России от пут бесконечного подражательства иноприродному миру Запада.

В этом ключе легковесные нападки рассказчика на Германию и немцев в первой главе – его двусмысленная болтовня, в которой самоуничижение смешивается с самоупоеанием и наивной гордостью пока еще мнимыми достоинствами России, которые рассказчик поначалу не в силах сформулировать, позволяют и в этой главе усмотреть нарастающее критическое начало в освещении и осмыслении европейских впечатлений как повествователя, так и скрывающегося под его личиной автора. Серьезное оборачивается авторской иронией и наоборот: ссылка повествователя на большую печень в отрицательной оценке Берлина («кислое впечатление») является завуалированным неприятием автором немецкой безликости и усредненности. Даже Кельнский собор оценивается, якобы из-за навязываемого везде и всюду «одеколо-ния», как «кружево, кружево и одно только кружево, галантерейная вещица»³. На деле же эта характеристика свидетельствует о выхолощенности религиозного чувства как в Германии, так и во всей Европе, что впоследствии не раз отметит Достоевский в «Дневнике писателя».

¹ Белов С. В. Достоевский и немецкая культура. Москва: Наука, 2010. С. 38.

² Alekseev P. V., Billiet E. The image of Germany in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 74.

³ Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973. С. 47.

Таким образом, в своем очерке Достоевский разрушает устоявшееся в русском обществе представление о духовном превосходстве немецкой нации, констатируя ее нравственный упадок и характеризуя немцев как последователей буржуазной идеологии, чьи мировоззренческие принципы основаны на стяжательстве, отчужденности и чувстве собственного превосходства.

В отличие от «Зимних заметок», в которых есть призма восприятия рассказчика, рассуждения Достоевского в эго-документах – «Дневнике писателя» и письмах – уже не носят завуалированный характер, а сам писатель перестает скрывать собственные воззрения под личиной повествователя. Придерживаясь почвеннической позиции, автор прямо обличает пагубные черты европейской цивилизации, анализирует жизнь и духовно-нравственные устои немецкого общества, приходя к довольно неутешительным выводам.

Например, в «Дневнике» за 1873 год Достоевский затрагивает тему самоупоения немцев, утверждая: «Немцы – народ по преимуществу самодовольный и гордый собой»¹. Позднее он даже приходит к мысли о надменности немецкого социума: «Грубость, невнимательность, пренебрежение, враждебность к публике, потому только, что она публика, и главное – мелочное юпитерство»². А об отмечаемой в «Заметках» духовной нищете немцев писатель говорит уже открытым текстом: «Они вот у нас совсем ничего не поймут»³. В то же время находящийся в Бад-Эмсе писатель в переписке с женой рассуждает о характерной претенциозности немцев: «...Невероятно дерзкие, напыщенные, наглые и грубоватые лица»⁴, которая противоречит их крайне нищенской («цены завышены, но купцы достойны едва ли одного взгляда»⁵) и безрадостной жизни («Скука изводит, изматывает меня в этом жалком гнезде»⁶).

Подобно Гоголю, считавшему немцев «квинтэссенцией мещанской пошлости, расчетливости, переходящей в скупость, аккуратности, переливающейся в педантизм»⁷ и, соответственно, представляющему их в сатирическом ключе, Достоевский в своей повести «Двойник» (1846) создает карикатурную фигуру немецкого доктора Крестьяна Ивановича Рутеншпица, в чьем имени уже содержится намек на двойственную сущность персонажа. Герой обладает целым набором стереотипных черт «русского немца», гиперболизирующих характерные особенности глубоко буржуазного менталитета германцев. С точки зрения В. П. Владимирцева, имя персонажа содержит стереотипно-юмористические нотки: «Именование Крестьяна Ивановича

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. С. 81.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. Ленинград: Наука, 1995. С. 241.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. С. 130.

⁴ Достоевский Ф. М. Письма 1875–1877 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29, кн. 2. Ленинград: Наука, 1973. С. 36.

⁵ Достоевский Ф. М. Письма 1875–1877 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 29, кн. 1. Ленинград: Наука, 1973. С. 339.

⁶ Там же. С. 351.

⁷ Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в). Москва: РАН, 2009. С. 42.

носит только каламбурный, комический характер: очевидная замена изначального “природного” Христиана на “Крестьяна”, столь понятная и необходимая простолыдину-мещанину, в сочетании с величальным отчеством “Иванович” и с присовокуплением чужеземной фамилии “Рутеншпиц” – своеобразная комическая оксюморонная (балаганная, уличная, площадная) игра словом, корни которой уходят в “мужицкий” фольклор Петербурга¹. Переставленные корни фамилии персонажа образуют слово «шпицрутен» – орудие телесного наказания. Диковинному имени соответствует исполненный иронии портрет персонажа: «Весьма здоровый, хотя уже и пожилой человек, одаренный густыми седеющими бровями и бакенбардами, выразительным, сверкающим взглядом, которым одним, по-видимому, прогонял все болезни, и, наконец, значительным орденом»².

Дополняет карикатурный образ врача и противоречивый характер, в котором учтивость соседствует с бесцеремонностью, а крайняя раздражительность причудливо сочетается с молчаливым терпением. Так, посетившего его Якова Петровича Голядкина он воспринимает с глухой враждебностью, которую вынужден скрывать в силу своего служебного положения. Любые попытки пациента воззвать к состраданию вызывают у врача лишь безразличие, проявляющееся в виде безучастных вопрошаний и едва слышимого невнятного бормотания. Негативно представлен и «профессионализм» немца. Несмотря на наличие высокого статуса доктора медицины и хирургии, врачебные предписания Крестьяна Ивановича не только носят пагубный характер, но способны нанести еще больший вред организму пациента. Кроме того, что Крестьян Иванович не только занимается медицинской практикой не по своему профилю, он, даже не удосужившись расспросить пациента о недуге, предписывает: «...а вместе с тем и бутылки врагом не бывать; равномерно держаться веселой компании»³.

Несмотря на очевидно пренебрежительное отношение и губительные рекомендации врача, Голядкин буквально преклоняется перед немцем, видя в нем своего благодетеля. Однако Рутеншпиц воспринимает восторженность русского пациента как нечто само собой разумеющееся, нисколько не сомневаясь в непрерывности своего авторитета, в чем можно усмотреть авторскую сатиру на чувство превосходства немцев над русскими.

Можно сказать, что во второй главе «петербургской поэмы» перед читателем представлен сквозной образ-символ «успешного» немца, чья халатность и болезненное самолюбие дополняются черствым характером, а пренебрежительность по отношению к иностранцам основана на непоколебимой уверенности в величии собственной нации.

В XIII главе Рутеншпиц предстает уже как гротескно мрачная фигура, внешний облик которой целиком построен на использовании темных оттенков. З. А. Кравченко замечает: «Цветовой символ для Достоевского – один из способов закодировать

¹ Владимирцев В. П. Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф. М. Достоевского «Двойник» // Три века русской литературы. Иркутск, 2004. № 9. С. 177.

² Достоевский Ф. М. Двойник. Москва: Эксмо, 2021. С. 13.

³ Там же. С. 14.

заложенную в произведении информацию, определяющую понимание философской идеи произведения»¹. По мнению исследователя, в восприятии Достоевского черный цвет имеет особенное значение, т. к. символизирует «отрицание света, является символом греха, лжи, пустоты, разрушения, печали и отсутствия сознания. Также черный цвет – цвет загадки и неизвестности»². Указанное смысловое значение цвета встречается и в более поздних произведениях – романах «Игрок» и «Преступление и наказание», написанных в 1866 году. Так, в первом произведении черный, наряду с красным, являлся одним из доминирующих цветов, чья сюжетная функция состоит в затемнении игровых залов и создании у главного героя ощущения «духовного саморазрушения», апатии ко всему, что не связано с азартными играми. Во втором романе черный цвет также имеет особое значение, подчеркивая душевное напряжение Родиона Раскольникова. Например, путь до квартиры старухи-процентщицы проходит именно через «темную и узкую лестницу». Учитывая последующие события романа, Раскольников перед совершением преступления будто входит во тьму, предвосхищающую его последующее нравственное разложение. Как справедливо отмечает С. М. Соловьев, «колорит Ф. М. Достоевского соответствует духовной жизни его героев»³. Логично предположить, что появившаяся на празднике темная фигура Рутеншица, «облаченная в черный фрак и одаренная густыми, весьма черными бакенбардами»⁴, также имеет смысловое значение, символизируя надвигающуюся и неотвратимую духовную катастрофу в жизни Голядкина-старшего.

Немецкий доктор воплощает темную силу, окончательно низвергающую душу Голядкина в пучину отчаяния и безысходности. Эту мысль подтверждают и другие изменения внешнего облика Крестьяна Ивановича, наиболее заметным среди которых является отсутствие всегдашней сигары во рту, сюжетную значимость которой отмечает Н. В. Константинова: «Важен тот факт, что Крестьян Иванович появляется без сигары перед господином Голядкиным в третий раз, выступая уже не как типажный доктор-немец, но как символическое inferнальное существо»⁵. При этом метаморфозы также происходят во взгляде и жестикуляции немца – в них не осталось и следа от былой организованности. Жесты доктора приобретают черты необузданности и даже грубости, полностью отражая его властолюбивую натуру. Однако более явное саркастическое начало отражается в изменениях, произошедших в речи доктора. На смену складной русской речи пришел типичный немецкий акцент: «Ви получаете казенный квартир, с дровами, с лихт и с прислугой, чего ви недостойн»⁶, в котором усматривается авторская ирония в адрес европейской, и прежде всего немецкой тенденции к пренебрежению к русской культуре и речи: «Европейцу, какой бы

¹ Кравченко З. А. Философские идеи Ф. М. Достоевского в контексте цветовой символики его произведений // Гуманитарное пространство. 2019. № 7. С. 919.

² Там же. С. 917.

³ Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. Москва: Советский писатель, 1979. С. 231.

⁴ Достоевский Ф. М. Двойник. Москва: Эксмо, 2021. С. 190.

⁵ Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (по материалам повести «Двойник»). Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 131.

⁶ Достоевский Ф. М. Двойник. Москва: Эксмо, 2021. С. 194.

он ни был национальности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть в душу всякой другой европейской национальности, чем научиться русскому языку и понять нашу русскую суть»¹.

Таким образом, в XIII главе произведения образ доктора Рутеншпица дополняется рассуждениями повествователя о деспотичности немецкого характера, в котором холодность и безжалостность продиктованы цинизмом как характерным свойством натуры европейца. Однако писателю чуждо подобное мироощущение, воплощающее все пороки западной капиталистической цивилизации. Н. В. Буткова пишет: «Для Ф. М. Достоевского характерно неприятие немецкого практицизма, желания любой ценой обустроить свою жизнь, порой переходящих в пошлость, в мещанство»².

Критическое осмысление феномена «обрусевших немцев» прослеживается и в образе кухмистерши Каролины Ивановны, которую Яков Петрович характеризует эпитетами: «Немка, подлая, гадкая, бесстыдная немка»³, вина последнюю в крушении собственных социальных амбиций. Н. В. Константинова усматривает в персонаже «интертекстуальную связь с произведением Н. В. Гоголя “Шинель”»⁴, где также присутствует упоминание немки Каролины Ивановны, в чьем образе исследователь усматривает «знак дьявольского наваждения, inferнальной силы, которая сбивает человека с истинного пути»⁵. Подобно немке из «Шинели», Каролина Ивановна из «Двойника» играет довольно значительную роль в произведении, являясь «центром образной системы повести: каждый герой связан с ней и выполняет ее указания и поручения»⁶.

Будучи человеком черствым и беспринципным, кухмистерша использует жалкое положение Якова Петровича в разрушительных целях, расшатывая его душевное спокойствие, что приводит его к окончательному умственному вырождению. Например, она не только потворствует нелепым слухам о нарочито абсурдном предложении руки и сердца от старшего Голядкина, но и публично привечает малодушного Голядкина-младшего и даже переманивает на свою сторону Петрушку, являвшегося единственным доверенным лицом главного героя. В результате манипуляций Каролины Ивановны сломленный и лишенный какой-либо поддержки главный герой в порыве подлинного отчаяния окончательно сходит с ума, сбиваясь с жизненного пути. В образе жестокой и коварной Каролины Ивановны автором обыгрывается губительное влияние европейского аморализма на сознание русского человека, который в погоне за блеском европейской цивилизации постепенно теряет свою истинно православную природу, рискуя бесследно исчезнуть в ряду однотипных стран Запада. В образе немки Н. В. Константинова усматривает авторское предостереже-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. С. 127.

² Буткова Н. В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2001. 252 с.

³ Достоевский Ф. М. Двойник. Москва: Эксмо, 2021. С. 24.

⁴ Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (по материалам повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 129.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ Там же.

ние об опасности «отклонения человека от истинного, праведного пути»¹. Можно сказать, что в немецких персонажах повести «Двойник» воплощена авторская критика буржуазного мировоззрения Запада, губительности его влияния на жизнь русского человека. Хитроумность и коварство интриг немцев, их явное безразличие к человеческой судьбе, равно как и бессердечность поступков, воплощают неосновательность популярного в русской среде гетеростереотипа о нравственном величии европейцев, их исключительной природе и подтверждают значимость второго отечественного гетеростереотипа, по которому немцы и вообще европейцы – рассудочные, безнравственные и циничные натуры. В мировоззрении Голядкина эти два гетеростереотипа соединяются: почтительное отношение к просвещенному доктору Рутеншицу в его сознании сосуществует с ненавистью к чужим, «обрусевшим» иностранцам – кухмистерше Каролине Ивановне. Однако, несмотря на свои мнимо противоположные амплуа, Рутеншиц и Каролина Ивановна в конечном итоге приносят главному герою лишь неисчислимы страдания, способствуя его окончательному нравственному вырождению, в котором вполне можно усмотреть авторское предостережение соотечественникам, преклоняющимся перед Европой и ее идеалами. В финале повести, когда несчастного Голядкина увозят в сумасшедший дом, он предстает как жертва какого-то бесовского скопища, торжествующая при виде унижения человека. Рутеншиц, не только принимающий активное участие в этом действе, но и как бы возглавляющий его, обретает черты демонического существа, олицетворяет темную адскую силу, низвергающую человека в ужасное место. Некогда благонамеренный и благовоспитанный доктор превращается в некое дьявольское существо, радостно обрекающее свою жертву на нескончаемые мучения. Рутеншиц лишается комических, карикатурных черт и обретает демонический ореол.

Выводы

В рамках гоголевской традиции сатирического изображения немцев, Достоевский выдвигает идею о том, что некогда высокоразвитая немецкая культура выродилась в низменное угождение своим страстям и попрание этических норм – чувство собственного достоинства искажилось до надменности, а скромность и умеренность уступили место тщеславию и невоздержанности. Обрусевшие немцы с нескрываемым презрением относятся к другим народам, видя в них лишь ресурс для осуществления своих потребностей, выраженных в личном обогащении и поддержании собственного тщеславия. По мысли писателя, такой путь ведет лишь к духовной пустоте и нравственному вырождению.

Публицистическое наследие Достоевского, первостепенную роль в котором занимает «Дневник писателя», представляет широкому кругу читателей личные впечатления автора о социальных и культурных аспектах жизни немецкого общества. Констатируя показную обособленность Германии от насквозь материалистичного европейского мира, а на деле полностью разделяющую его буржуазные идеалы, Достоевский рассматривает германцев по контрасту с русским народом, чей живой ум,

¹ Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (по материалам повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 132.

бескорыстие, душевная щедрость, высокая духовная неуспокоенность ярко выделяют их на фоне напыщенных и меркантильных европейцев, переживающих кризис буржуазного общества, который способен привести немецкий народ лишь к внутренней опустошенности и последующему краху.

В прозе Достоевского, следующего традициям, заложенным еще Гоголем, художественно богатые образы обрусевших немцев определенно выходят за рамки стереотипов, но все также несут на себе их печать. Персонажи-немцы «Двойника» сначала предстают в сатирическом ключе, а в финале произведения обретают демонические черты и олицетворяют темную силу, погубившую потерявшего свое место в жизни маленького человека – Якова Голядкина.

Изображение немцев в ранней прозе Достоевского, в частности, в повести «Двойник», в ироническом ключе, наделение их карикатурными чертами, а затем и демонизация персонажей-немцев, в целом обусловленные русским отрицательным гетеростереотипом в восприятии выходцев из Германии, осевших в России, суровая критика немцев как представителей разрушительной и античеловеческой европейской цивилизации в публицистике писателя, позволяют Достоевскому подчеркнуть его коренную идею о порочности европейского влияния на умонастроения русского общества и необходимости русскому человеку придерживаться традиционных духовно-нравственных принципов в духе православия во имя сохранения собственной национальной идентичности.

Список литературы / References

- Белов С. В. *Достоевский и немецкая культура*. Москва: Наука, 2010. 337 с.
Belov S. V. *Dostoevsky and German culture*. Moscow: Nauka, 2010. 337 p. (In Russ.)
- Буткова Н. В. *Образ Германии и образы немцев в творчестве И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Волгоград: [б. и.], 2001. 252 с.
Butkova N. V. *The image of Germany and images of the Germans in the works of I. S. Turgenev and F. M. Dostoevsky: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Volgograd: [s. n.], 2001. 252 p. (In Russ.)
- Володина Н. В. Диалог И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о характере русского и европейского просвещения. *Quaestio Rossica*, 2019, вып. 7, № 1, с. 243–254.
Volodina N. V. Dialogue between I. V. Kireevsky and A. S. Khomyakov on the character of Russian and European enlightenment. *Quaestio Rossica*, 2019, iss. 7, no. 1, pp. 243–254. (In Russ.)
- Владимирцев В. П. Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф. М. Достоевского «Двойник». *Три века русской литературы*, Иркутск, 2004, № 9, с. 176–182.
Vladimirtsev V. P. The German theme in the “Petersburg poem” by F. M. Dostoevsky’s “Double”. *Three centuries of Russian literature*. Irkutsk, 2004, no. 9, pp. 176–182. (In Russ.)
- Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях. *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т.*, т. 5. Ленинград: Наука, 1973. 405 с.
Dostoevsky F. M. Winter notes about summer impressions. *Dostoevsky F. M. Full collection of works: in 30 vols.*, vol. 5. Leningrad: Nauka, 1973. 405 p. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. *Дневник писателя. 1873*. Москва: Институт русской цивилизации, 2010. 881 с.

Dostoevsky F. M. *The writer's diary. 1873*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. 881 p. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1876. *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т.*, т. 13. Ленинград: Наука, 1996, 544 с.

Dostoevsky F. M. *The writer's diary 1876. Dostoevsky F. M. Collection of works in 15 vols.*, vol. 13. Leningrad: Nauka, 1996. 544 p. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Письма 1875–1877. *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т.*, т. 29, кн. 1. Ленинград: Наука, 1973. 565 с.

Dostoevsky F. M. *Letters 1875–1877. Dostoevsky F. M. Full collection of works: in 30 vols.*, vol. 29, book 1. Leningrad: Nauka, 1973. p. 565. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. Письма 1875–1877. *Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т.*, т. 29, кн. 2. Ленинград: Наука, 1973. 368 с.

Dostoevsky F. M. *Letters 1875–1877. Dostoevsky F. M. Full collection of works: in 30 vols.*, vol. 29, book 2. Leningrad: Nauka, 1973. p. 368. (In Russ.)

Достоевский Ф. М. *Двойник*. Москва: Эксмо, 2021. 194 с.

Dostoevsky F. M. *The Double*. Moscow: Eksmo, 2021. 194 p. (In Russ.)

Исаев С. А. Достоевский и лютеранство. *Христианское чтение*, 2021, № 4, с. 44–49.

Isaev S. A. Dostoevsky and Lutheranism. *Christian Reading*, 2021, no. 4, pp. 44–49. (In Russ.)

Константинова Н. В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф. М. Достоевского (на материале повести «Двойник»). *Сибирский филологический журнал*, 2014, № 4, с. 126–133.

Konstantinova N. V. The Germans and Dutch in the early works by F.M. Dostoevsky (on the basis of the story “The Double”). *Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 4, pp. 126–133. (In Russ.)

Кравченко З. А. Философские идеи Ф. М. Достоевского в контексте цветовой символики его произведений. *Гуманитарное пространство*, 2019, № 7, с. 912–920.

Kravchenko Z. A. Philosophical ideas of F. M. Dostoevsky in the context of the color symbolism of his works. *Humanity space*, 2019, no. 7, pp. 912–920. (In Russ.)

Любомудров М. Н. Русская триада. *Вопросы национализма*, 2014, № 1, с. 44–55.

Lyubomudrov M. N. Russian triad. *Studies in Nationalism*, 2014, no. 1, pp. 44–55. (In Russ.)

Лагунов А. А., Смирнов А. Ю. Ф. М. Достоевский о причинах «Замечательной нелюбви» Европы к России. *Вестник РУДН*, 2001, т. 25, № 1, с. 25–33.

Lagunov A. A., Smirnov A. Yu. F. M. Dostoevsky on the reasons for "Remarkable Dislike" Europe to Russia. *RUDN Journal of Philosophy*, 2001, vol. 25, no. 1, pp. 25–33. (In Russ.)

Оболенская С. В. *Германия и немцы глазами русских (XIX в)*. Москва: РАН, 2000. 209 с.

Obolenskaia S. V. *Germany and the Germans through the eyes of the Russians (XIX century)*. Moscow: RAN, 2000. 209 p. (In Russ.)

Рясов Д. Л. *Образ Германии в творческом сознании Н. В. Гоголя: автореф дис. ... канд. филол. наук.* Саратов: [б. и.], 2015. 145 с.

Riasov D. L. *The image of Germany in the creative consciousness of N. V. Gogol: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences.* Saratov: [s. n.], 2015. 145 p. (In Russ.)

Рясов Д. Л. Немецкая тема в произведениях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя: к вопросу о возможных параллелях. *Культура и текст*, 2021, № 2, с. 40–46.

Riasov D. L. The German theme in the works of A. S. Pushkin and N. V. Gogol: to the question of possible parallels. *Culture and text*, 2021, no. 2, pp. 40–46 (In Russ.)

Розин В. М. Осмысление Ф. М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и ее отношения к Европе. *Культура и искусство*, 2017, № 9, с. 37–52.

Rozin V. M. Understanding Fedor Dostoevsky in The Writers' Diaries: Mission of Russia and its relation to Europe. *Culture and Art*, 2017, no. 9, pp. 37–52 (In Russ.)

Сафронова Е. Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф. М. Достоевского. *Имагология и компаративистика*, 2019, № 12, с. 113–141.

Safronova E. Iu. The Germany's image in F. M. Dostoevsky's Siberian works. *Imagology and comparative studies*, 2019, no. 12, p. 113–141. (In Russ.)

Соловьев С. М. *Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского.* Москва: Советский писатель, 1979. 352 с.

Soloviev S. M. *Visual media in the works of F. M. Dostoevsky.* Moscow: Sovetskii pisatel', 1979. 352 p. (In Russ.)

Alekseev P. V., Billiet E. The image of Germany in a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Imagology and comparative studies*, 2018, no. 9, pp. 67–79.

Сведения об авторе

Максим Александрович Некрасов – аспирант; <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>, m.markus2014@yandex.ru, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (д. 17, наб. Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия); **Maksim A. Nekrasov** – Postgraduate Student, <https://orcid.org/0009-0000-8976-985X>, m.markus2014@yandex.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina nab., 163002 Arkhangelsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 05.11.2024; Approved after reviewing 12.02.2025; Accepted for publication 28.02.2025.